

снимается
фильм

ГЛОТОК ЧИСТОГО ВОЗДУХА

Акира Кurosава не говорит ни на одном языке, кроме японского. Но первое слово, которое я от него услышал, было русское.

— Пригото-о-виться! — не скомандовал, пропел он высоким, чуть гортанным голосом. — Мотор!

Щелкнула хлопушка, на которой было написано «Дерсу Узала» и номер кадра. И тут рабочий, обеспечивающий «дождь», бог знает почему, вероятно, от долгого напряженного ожидания ошибся и выключил воду. Мгновение — короткий просвет между густыми облаками, которого ждали полдня, было упущено.

Высокий даже по нашим понятиям, в синем мосфильмовском экспедиционном костюме и сапогах, режиссер встал со своего складного стульчика, на котором неподвижно провел несколько часов, и вместе со всеми установился на небо. Прошло еще полчаса. Ни одной прогалины в облаках. Объявили обед.

Стол, за которым собралась обедать съемочная группа, был врыт в землю между таежными могучими кедром и облетевшими под осенним ветром кленами. Его географическое положение — девять тысяч километров от Москвы, сорок — от города Арсеньева по дороге к бывшему урочищу Анутино, где Арсеньев впервые встретил своего Дерсу. Однако к столу режиссер не пришел. Я отложил ложку. «Может быть, удастся поговорить с ним сейчас?».

— Если Кurosава не пришел обедать, значит, он хочет побыть один, — сказал Максим Мунзук, тувинский актер, играющий роль Дерсу. — Мы ему в такие минуты не мешаем.

А позже, когда разговор наконец состоялся, Кurosава сказал, что до тридцати пяти лет увлекался альпинизмом. Этот спорт научил его очень ценить часы, проведенные наедине с природой. И сейчас, когда ему уже за шестьдесят, он знает: они величайшее благо, которое может подарить человеку жизнь. А отсутствие этого блага — столь же большое несчастье.

Я спросил, не для того ли, чтобы подчеркнуть горестное положение героев фильма «Под стук трамвайных колес», он на всех на них «отпустил» всего одно дерево, и то сухое, изувеченное.

И мой собеседник заговорил о родном Токио, где снималась его последняя картина.

— Отравленный город, — произнес он. — В нем не осталось даже глотка чистого воздуха.

Мы стояли у костра. Ре-

жиссер время от времени протягивал к огню руки в шерстяных, испачканных краской перчатках. А вокруг толпились деревья. Радужные капли недавнего дождя висели на их ветвях. Было слышно, как журчит бегущий с сопки ручей.

Тайга, сказал Кurosава, один из главных героев фильма, который он сейчас снимает. Ибо для него природа — это не только здоровье людей. Это их здоровая нравственность. Разве не под влиянием тайги сошлись и стали друзьями такие разные люди, как ученый Арсеньев и неграмотный таежник Дерсу Узала? Разве не любовь к ней породила чудо единения их душ?

Давно, почти тридцать лет назад, когда он впервые прочитал повесть В. К. Арсеньева, эта мысль захватила его. И сейчас он говорит, что безмерно благодарен Советскому Союзу за возможность высказать эту мысль средствами кино. Вряд ли это удалось бы ему в Японии. Он благодарен и за то, что работает с нами на советском Дальнем Востоке. Выбирая место для съемок, Кurosава повидал немало промышленных городов, молодых и старых. Они построены в непосредственной близости к природе, они включают ее в себя в виде парков, деревьев и цветов на улицах и в скверах. В этом отношении ему особенно понравился Хабаровск. И увиденное помогло ему, говорит Кurosава, сделать вывод — нет ничего рокового, предопределенного во враждебности города природе. Все дело в том, что капиталисты, в том числе и на его родине, в погоне за прибылью не считают ни с чем. «Нужен контроль в мировом масштабе, — сказал режиссер, — нужны санкции, способные обуздать».

Даже через переводчика чувствуется нечто глубоко личное, страстное в том, как Кurosава говорит о тайге, реках, воде. Народный артист РСФСР Ю. Соломин, играющий в фильме Арсеньева, объяснил это особым, обостренным видением природы, свойством таланта.

В сценарии фильма, написанном Ю. Нагибиным и Кurosавой, есть эпизод, когда Дерсу говорит об огне — «люди», о воде и ветре — тоже «люди». Стрелки добродушно подсмеиваются над ним. Арсеньеву это неприятно, где-то в глубине души он понимает, что прав Дерсу.

«Я не знал, как дать почувствовать зрителю эту правоту следопыта, оцеловывающего и огонь, и воду, и ветер, — признался Соломин, — и не представлял, что может сделать Кurosава. В день репетиции я стоял у костра, ушедший в эти мыс-

ли, и вдруг услышал: Кurosава сам просит вас стоять так, как вы сейчас стоите, не двигаясь, и просит об этом же стрелков... Потом я увидел снятую пленку. На фоне наших абсолютно неподвижных фигур вдруг стало видно, что пламя действительно живет. Оно играет, вертится, бушует. Заговорил камнями ручей. Порыв ветра, налетевшего с неба, показался взмахом могучей руки, пригнувшей деревья. Природа в этот миг была живой живых людей. Помоему, придумать такое нельзя. Надо чувствовать, как чувствовал сам Дерсу».

При следующей моей встрече с Кurosавой я не удержался и передал ему эти слова. Разговор был вечером в гостинице, и я увидел, что плечи мастера не так широки, как казались в мосфильмовской робе. И что он сутулится намного больше, чем днем.

Кurosава благодарно и устало улыбнулся и вдруг заговорил о том, что его сейчас особенно волнует. О человеческом сотрудничестве.

Он сказал, что всем сердцем радуется потеплению политического климата на планете. Он надеется, что непременно принесет свои добрые плоды и высокая встреча в районе Владивостока. Но нельзя забывать, что победа разума — дело не простое. Взять японскую национальную кинематографию. Чтобы помочь ей выйти из глубокого кризиса, нужны средства. На первых порах не такие уж большие, в размерах стоимости каких-нибудь двух-трех реактивных истребителей, приобретаемых для сил самообороны. Кажется, было бы разумным отказаться от этих двух-трех истребителей. Но правительственные круги не торопятся откликнуться на голос разума.

И все-таки нет другого пути, кроме сотрудничества, терпеливого, проникнутого доброй волей, желанием понять друг друга. И снова режиссер привел пример, близкий ему. Как художнику ему нужна правда в большом и малом. И, не терпя ничего приблизительного, он требует тщательной, порой до тошноты отделки деталей. Этот его метод не всегда сразу встречается понимание у его помощников. Даже в Японии, где его манера хорошо известна. Но такого уж природа всякого творческого сотрудничества, иначе не может быть взаимного обогащения.

Слушая режиссера, я вспомнил минувшие дни. Декораторы сделали ему таежную, из сучьев, глины и тростника, хижину, вокруг которой должен был разыграться один из эпизодов фильма. Кurosава долго стоял перед

хижиной, потом под чуточку тревожные взгляды художников молча взял кисть, обмакнул ее в ведро с краской и по желтой глиняной стене провел коричневую полосу. Так же молча взял из костра головешку и зачернил кусок стены. Был миг какого-то замешательства. Но он прошел бесследно. Кто-то притащил дымовую шашку и обкурив ею стены. Кто-то стал выковыривать из них куски глины, чтобы обнажить толстые петли, из которых сложены эти стены. Кто-то размочил глину водой, и стала видна ее грубая фактура. И вдруг еще недавно новенькая, нарядная и безликая хижина благодаря совместному труду приобрела свое лицо, биографию.

Я попросил режиссера рассказать, какой эпизод будет сыгран у этой хижины.

— История старого китайца, — сказал он, — который обжиг близкими, покинув родину, ушел в Приморье. Сорок лет провел он в тайге на чужбине. Увидев русских, Арсеньев и его стрелков, старик испугался и хотел сбежать. Но, как можно понять из книги Арсеньева, его спутники оказались так добры к чужестранцу, так полны сострадания к его старости и одиночеству, что в старом Ли Цун-бине пробудилась вера в людей, в том числе и тех, кто жестоко и несправедливо обошелся с ним на родине, в Китае. И эта вера родила в нем решимость вернуться домой. Подарив Арсеньеву единственное свое богатство — деревянный браслет, поклонившись чужому лесу, укрывшему его, старик уходит на родину...

Надо было, чтобы с первого взгляда на фанзу китайца зритель почувствовал жалость и сострадание к человеку, живущему в ней. «Кажется, сейчас это удастся, — сказал режиссер и вздохнул. Зато придется ждать нового солнечного дня. Когда человек принимает подобное решение, день должен быть светлым, солнечным. Только когда он будет?».

Но, как часто в эту пору в Приморье, уже на завтра день выдался хоть куда. С синим небом, ярким солнцем, безветренным. И я снова услышал от старого мастера команду на русском языке, команду, которая после всего сказанного им о сотрудничестве прозвучала для меня почти символически.

— Пригото-о-виться, — пропел он высоким, чуть гортанным голосом и затем:

— Мотор!

Ничто в этот день не мешало съемкам.

М. БРИМАН,
спец. корр. «Советской культуры».
АРСЕНЬЕВ,
Приморский край.